

ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ВИКТИМИЗАЦИИ

© 2019 г. В. П. Шейнов

*Доктор социологических наук, профессор кафедры психологии,
Республиканский институт высшей школы, Белорусский государственный
университет; г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: sheinov1@mail.ru*

Изучение виктимизации актуально ввиду ее большой распространенности в современном обществе и многочисленных отрицательных последствий для жертв издевательств. В данном аналитическом обзоре зарубежных исследований внутриличностных предпосылок виктимизации показано: в число предикторов этого явления на рабочем месте входят издеательства в школе, а его психологические последствия могут служить решающим фактором для повторной виктимизации; лучшими предсказателями ее возникновения являются индивидуальные характеристики человека; индивиды с низким уровнем интеллекта чаще становятся жертвами издевательств; риск стать жертвой выше для тех, кто считает, что невозможно уйти от борьбы или конфронтации; виктимизацию с большой вероятностью предсказывают низкий уровень удовлетворенности жизнью, низкая самооценка индивида, его депрессивные симптомы, тревожность, самообвинение, отрицательная аффективность, низкий уровень добросовестности, высокий уровень нейротизма, недостаточность социальной поддержки, низкий уровень самоуважения и самоконтроля, низкий социометрический статус подростка, ощущение им одиночества и слабые социальные связи с семьей и школой, интернализация проблем, физическая слабость, отказ от сверстников, низкое качество дружбы, негативная оценка подростками собственного лишнего веса и навязчивые мысли о том, как другие воспринимают его внешний вид, а также собственный девиантный образ жизни несовершеннолетнего. Автором предложена надежная и валидная «Методика оценки степени виктимизации взрослого индивида». С ее помощью установлены взаимосвязи между виктимизацией, макиавеллизмом и стратегиями поведения в конфликте.

Ключевые слова: виктимизация, внутриличностные предикторы, издеательства, индивидуальные характеристики, агрессия, макиавеллизм, поведение в конфликте, рабочее место, взрослые, дети, подростки, тестовая методика.

Виктимность (от лат. *Victima* – жертва) – склонность человека к тому, чтобы стать жертвой преступления, несчастного случая, травли, агрессии. Виктимизация – событие насилия или опыт переживания насилия, процесс превращения лица в жертву преступного посягательства, а также результат этого процесса. «Виктимизация – это не просто процесс превращения личности или социальной общности в жертву, а скорее – в жертву потенциальную, это процесс повышения степени виктимности» (Вишневецкий, 2014, с. 226).

Необходимость изучения процесса виктимизации объясняется ее широким распространением в современном обществе и многочисленными отрицательными последствиями для ее жертв (Шейнов, 2018(а), 2019; Чикер, Почебут, 2016; Постылякова 2018). Данная проблема имеет непосредственное отношение к проблеме психологического здоровья общества и, в том числе, изучению переживаемым социумом в целом коллективным эмоциям и чувствам (Психологическое здоровье..., 2014).

Обзор зарубежных исследований внутриличностных предпосылок виктимизации начнем с публикаций, показывающих, что **виктимизация в школе является предиктором последующих виктимизаций на рабочем месте.**

Действительно, в ряде исследований установлено, что виктимизация школьников влечет *последующую виктимизацию на рабочем месте* (Gini, Espelage, 2014).

Первым (из числа обнаруженных автором данной статьи) исследованием о возможной связи между издевательствами в школе и впоследствии – с издевательствами на рабочем месте является работа Питера Смита с соавторами (Smith et al., 2010). В ней изучаются следующие вопросы: связаны ли роли участников школьных издевательства и последующая возможная виктимизация на рабочем месте; влияние на дальнейшее стратегий борьбы с виктимизацией в школе; половые различия.

Авторы проанализировали ответы на анкету, которая была заполнена 5 288 взрослыми, работающими в различных местностях Великобритании: два вопроса о школьном опыте виктимизации (роль участника издевательств и стратегии борьбы, если он был жертвой издевательств), и об издевательствах на рабочем месте (опыт издевательств). Авторы обнаружили статистически значимую связь между сообщенными респондентами ролями в школьных издевательствах и опытом виктимизации на рабочем месте. *Наибольший риск виктимизации на рабочем месте был у тех, кто в школе был хулиганом по отношению к одним и жертвой для других хулиганов (хулиганы - жертвы), за ними следовали те, кто в школе был только жертвами.* Анализ относительного риска издевательств на рабочем месте, для тех, кто был жертвой в школе и использовал при этом различные стратегии преодоления, показал повышенный риск для стратегий «пытался высмеять его» и «на самом деле не справился». Женщины подвергаются значительно более высокому риску быть жертвами издевательств на работе, при этом установлена взаимосвязь их ролей в школьных издевательствах со стратегиями преодоления. Жертвы в школе впоследствии более подвержены риску виктимизации на рабочем месте, но особый риск для «хулиганов-жертв» говорит о том, что эта особая категория школьников должна быть в центре внимания учителей. Ученики, которые постоянно не могли справиться с издевательствами или пытались их высмеять, более подвержены риску аналогичных проблем на рабочем месте. Однако связи эти умеренные: многие жертвы школьных издевательств не становятся жертвами в более поздней жизни. Полученные результаты наводят на мысль о важных контекстуальных или экзогенных последствиях относительно рисков виктимизации.

Результаты, полученные К. Куэвас с соавторами (Cuevas et al., 2010) свидетельствуют о том, что в целом *психологические последствия виктимизации могут служить решающим фактором для ее повторения*

В работе Т. Мацуи, Ю. Тсузуки и Т. Какуяма (Matsui, Tsuzuki, Kakuyama, 1996) испытуемыми были 134 японских студента мужского пола. Установлено, что виктимизация во время их учебы в младших классах средней школы коррелировала с текущими низкими оценками самоуважения и с депрессией (которые, как будет показано далее, являются *предикторами виктимизации*), но только для студентов, которые сообщили о низком самоуважении и высокой депрессии до виктимизации.

Приведенные результаты исследований показывают, что истоки виктимизации на рабочем месте в значительной степени формируются в результате издевательств в школе.

В связи с вышесказанным, *обзор исследований предикторов виктимизации взрослых естественно начать с работ о ее предпосылках у детей и подростков.*

Отправной точкой данного обзора служит установленный в исследовании С. Улудага с соавторами (Uludag et al, 2009) важный факт: *индивидуальные характеристики являются лучшими предсказателями как возникновения, так и интенсивности личностной виктимизации.*

К.М. Фитцпатрик (Fitzpatrick, 1999) показал, что независимо от возраста, риск виктимизации выше для школьников, которые считают, что *невозможно уйти от борьбы или конфронтации.* Данные были взяты автором из трех национальных стратифицированных выборок американских школьников начальных (n = 1090), средних (n = 692) и старших классов (n = 813) средней школы. Интервью проводились со школьниками в 125 школах по всей стране.

В исследовании К.М. Бевера с соавторами (Beaver et al, 2016) проанализированы данные Национального долгосрочного исследования здоровья подростков и взрослых («Добавить здоровье»). Результаты выявили статистически значимую положительную *связь между низким*

интеллектом и виктимизацией. Испытуемые с более низким уровнем интеллекта чаще сообщали о том, что становятся жертвами издевательств.

Б.Б. Боутулл с соавторами (Boutwell et al., 2017) осуществили повторение и расширение предшествующих исследований по изучению вклада генетических и экологических факторов в предполагаемую связь между интеллектом и виктимизацией. Авторы проанализировали данные о близнецах из двух национальных репрезентативных выборок американской молодежи. Результаты показали, что после устранения возможного семейного влияния *опыт виктимизации оказался положительно статистически значимо связан с низким интеллектом.*

В статье М. Гуна с соавторами (Guhn et al., 2013) изучена репрезентативная выборка, составленная из 2 792 учащихся обоего пола (M = 9,70 лет, 48,2% девочек) четвертых классов средних школ. Данные были получены с помощью самоотчетов учащихся. Многоуровневый регрессионный анализ показал, что виктимизация учащихся обоего пола была наиболее сильно связана с *депрессивными симптомами и тревожностью*, тогда как позитивные отношения с взрослыми и сверстниками были столь же сильно связаны с удовлетворенностью жизнью и положительной самооценкой. При этом виктимизацию наиболее уверенно предсказывали *низкий уровень удовлетворенности жизнью, низкая самооценка и высокие депрессивные симптомы у девочек со слабыми связями со сверстниками и с взрослыми.* Полученные результаты подтверждают полезность помощи психологических служб, направленной на укрепление отношений между школьниками и взрослыми, в частности, для уменьшения виктимизации школьников.

Связь виктимизации с депрессией оказалась двусторонней: не только первая влечет вторую, но и обратно – ряд исследований показывают, что у *депрессивных подростков* наблюдается повышенный риск виктимизации со стороны сверстников. Исследование Х. Шастер и Й. Ювонен (Schacter,

Juvonen, 2017) основано на анализе этнически разнообразной выборки из 5374 подростков за первые два года средней школы. Установлена связь между симптомами депрессии учащихся 6-го класса и увеличением их виктимизации в 7-м классе. То есть депрессивные симптомы повышают риск подростка в отношении будущей виктимизации. Более того, этот процесс был наиболее выражен для школьников, чьи друзья также испытывали повышенные депрессивные симптомы в начале средней школы (влияние окружения). При этом *самообвинение* опосредует связь между депрессивными симптомами и виктимизацией.

Исследование Д. Ховард с соавторами (Howard et al., 2002) посвящено изучению виктимизации в результате насилия среди преимущественно афроамериканских малообеспеченных городских подростков. Данные для этого исследования были получены из опроса 349 подростков в возрасте от 9 до 15 лет из семей с низким уровнем дохода в городах Восточного побережья США. Свидетельства о насилии были связаны с сообщениями подростков о *навязчивых мыслях* и чувствах, трудностях с концентрацией внимания, *ощущением опасности или избегающем поведении*. Виктимизация в результате насилия также коррелировала с чувством отчаяния, связанного с невозможностью счастливой и долгой жизни, а также с *ощущением себя нелюбимым*, заброшенным и забитым. Проблемы семейной коммуникации, особенно *не сложившееся семейное общение* и нерешенность проблем также способствуют виктимизации.

В статье Дж. Боллмер, М. Харрис и Р. Милиха (Bollmer, Harris, Milich, 2006) описано, что 99 детей в возрасте от 10 до 13 лет представили два устных рассказа о своих переживаниях, связанных с виктимизацией, как в качестве виновника (хулигана), так и жертвы. Во время рассказа измерялось физиологическое возбуждение испытуемых. Анализ показал, что дети, которые показывали *низкий уровень добросовестности и высокий уровень нейротизма*, чаще подвергаются негативному воздействию во время

конфликта сверстников. Например, испытывают чувство гнева, больше обвиняют хулигана и меньше прощают, что свидетельствует о более высоких уровнях виктимизации. Для хулиганов, издевающихся над сверстниками, отношения между согласием, добросовестностью и издевательством, опосредуются меньшим чувством вины.

Т. Хансен с соавторами (Hansen et al., 2012) установили, что *отрицательная аффективность* и *недостаточность социальной поддержки* могут предрасполагать детей к тому, чтобы стать жертвами издевательств. Тактика приспособления может действовать в одних случаях как фактор риска стать жертвами издевательств, в других – как фактор защиты от них. В процессе издевательств их жертвам не хватает адаптивных стратегий преодоления и социальной поддержки. При этом жертвы издевательств сообщают о более высоких уровнях соматических симптомов.

В ряде статей, показывается, что некоторые особенности личности могут явно способствовать виктимизации. Так, в частности, в работе Б. Боутвелл с соавторами (Boutwell et al., 2013) выявлено, что *низкий уровень самоконтроля* подростка напрямую увеличивает риск его виктимизации.

К аналогичному выводу пришли К. Шрек, Р. Райт и М. Миллер (Schreck, Wright, Miller, 2002), в целом подтвердившие рабочую гипотезу о том, что некоторые индивидуальные черты и ситуационные переменные значительным и значимым образом способствуют виктимизации. Личностным фактором риска является, кроме *низкого уровня самоконтроля*, также *слабые социальные связи с семьей и школой*, а ситуационные факторы риска включают проведение времени со сверстниками-правонарушителями. Данное исследование проведено на примере учащихся старших классов.

Статья К.Дж. Шрека, Э.А. Стюарта и Б.С. Фишера (Schreck, Stewart, Fisher, 2006) расширяет предыдущие исследования *низкого уровня самоконтроля* как фактора риска в части криминальной виктимизации. Полученные результаты подтверждают данные предыдущих исследований в том, что

обнаруженный у испытуемого низкий уровень самоконтроля способствует его последующей виктимизации. Учитывались предыдущая виктимизация, противозаконная деятельность, социальные связи, в том числе со сверстниками-правонарушителями. Аналогично низкий самоконтроль влияет на связь между предшествующей виктимизацией и образом жизни в дальнейшем.

Результаты моделирования структурных уравнений в исследовании М. Кава с соавторами (Cava et al, 2007) по выборке из 1319 испанских подростков (48% мальчиков и 52% девочек) в возрасте от 11 до 16 лет ($M = 13,7$, $SD = 1,5$) показали, что *низкое самоуважение, одиночество и низкий социометрический статус подростков* в значительной степени способствуют явной виктимизации со стороны сверстников, а *негативное восприятие подростками семейной и классной среды* оказало существенное косвенное влияние на виктимизацию.

Следующая статья М. Кава с соавторами (Cava et al., 2010) посвящена косвенной виктимизации. Возможные связи виктимизации и их гендерные различия были проанализированы авторами на выборке из 1319 испанских подростков (48% мальчиков и 52% девочек) в возрасте от 11 до 16 лет ($M = 13,7$, $SD = 1,5$). Полученные данные свидетельствуют о том, что для мальчиков и девочек *ощущение одиночества и низкий социометрический статус* оказали существенное влияние на косвенную виктимизацию со стороны сверстников, при этом для мальчиков играл роль еще и *низкий уровень самоуважения*. Их восприятие семейной и классной среды оказало существенное косвенное влияние на скрытую виктимизацию со стороны сверстников и мальчиков, и девочек, но пути были разными. В целом выводы показали, что *негативная среда в классе* имела более значимый эффект в скрытой виктимизации мальчиков.

Ряд исследований показывает, что подверженность дразнению может иметь причиной недовольство своим телом тех, кого дразнят. Так, в

исследовании К. Лунде, Э. Фризен и К.Ф. Хвана (Lunde, Frisén, Hwang, 2006) изучается связь издевательств и других форм виктимизации сверстников с различными аспектами оценки телосложения девочек и мальчиков. Участниками исследования были 960 шведских 10-летних школьников – 515 девочек и 445 мальчиков. Полученные результаты показывают, что *негативная оценка детьми собственной внешности и веса и мыслей о том, как другие воспринимают их внешний вид*, связаны с их социальным отторжением. Это исследование показывает, что более широкий спектр виктимизации со стороны сверстников связан с *отрицательным самовосприятием* детей в большей степени, чем это ранее представлялось.

В исследовании Т. Гаспар с соавторами (Gaspar et al., 2014) найдена сильная связь с виктимизацией таких измерений качества жизни, как настроение и эмоции, *самовосприятие, низкое самоуважение*, отношение к здоровью и *социальная поддержка*. Этом исследовании участвовало 3195 школьников со всей Португалии (средний возраст = 11,8 года).

Влияние образа жизни несовершеннолетних на насильственную виктимизацию в школе изучено в статье С. Нофцигер (Nofziger, 2009): рассмотрена связь девиантного образа жизни с насильственной виктимизацией в школе. Хотя ряд индивидуальных и структурных характеристик предсказывают риск стать жертвой в школе, наиболее последовательным предсказателем насильственной виктимизации является собственный *девиантный образ жизни* несовершеннолетнего. Те, кто отличается девиантным образом жизни, значительно увеличивают свои шансы на то, чтобы стать жертвой явной и косвенной виктимизации. Поэтому даже в относительно контролируемой обстановке школ несовершеннолетние с девиантным поведением подвергаются самому высокому риску виктимизации.

Хотя ряд исследований показали сильную связь между девиантным образом жизни и виктимизацией, немногие изучали эту связь с точки зрения

дальнейшей жизненной перспективы. Результаты работы Х. Чен (Chen, 2009) показывают, что (а) виктимизация и девиантный образ жизни, измеряемый как участие в правонарушениях, принадлежность к группе девиантных сверстников и время, затрачиваемое на возможно предосудительные виды деятельности, изменяются со временем; и (б) изменение девиантного образа жизни в ту или другую сторону приводит с течением времени к соответствующему изменению уровня виктимизации.

Одновременное изучение факторов риска виктимизации на различных уровнях: ученик, класс, школа было целью исследования Силья Сааренто с соавторами (Saarento et al., 2013). Были использованы как высказывания сверстников, так и самоотчеты учащихся о виктимизации. Выборка состояла из 6731 финских учащихся начальной школы (3386 девочек и 3345 мальчиков) из 358 классов в 74 школах. Участники были из 3, 4 и 5 классов (средний возраст 11 лет). Результаты многоуровневого анализа показали, что существует значительная изменчивость и характерные факторы риска, связанные с виктимизацией как со стороны сверстников, так и с *самооценкой* на всех трех исследованных уровнях. Социальная *тревожность и отказ от сверстников* синергически предсказывали виктимизацию на уровне ученика. На уровне класса отрицательные социальные ожидания жертвы были связаны с повышенным риском издевательств над учеником: виктимизация была более распространена в классах и школах, где *ученики воспринимали своих учителей безразличными в отношении издевательств*. Кроме того, было обнаружено, что влияние предсказателей виктимизации на уровне ученика варьируются в разных классах. Выявляя факторы риска на нескольких уровнях и изучая межуровневые взаимодействия между этими факторами, будущие исследования могут помочь направить упреждающие воздействия на ключевые факторы виктимизации, позволяя учителям и психологическим службам максимально повысить их эффективность.

В исследовании Ю. Боллмер с соавторами (Bollmer et al., 2005) изучалось качество дружбы как возможного защитного фактор при риске виктимизации сверстников вследствие издевательств. С этой целью авторы рассмотрели влияние направленности локализации проблем подростков, связанной с виктимизацией: внутрь себя ("интернализация" проблемы) или вовне (ее "экстернализация"). Интернализация означает, что жертва издевательств испытывает сильную обеспокоенность, принимая на себя ответственность за случившееся, интерпретируя издеательства как результат своего собственного поведения. Дети (50 американских мальчиков и 49 девочек в возрасте от 10 до 13 лет) рассказали о качестве своей дружбы со сверстниками, а также о случаях виктимизации вследствие издевательств. У родителей авторы получили сведения о склонности их детей к издеательствам и/или виктимизации, а также об их интернализации и/или экстернализации. Результаты показали, что экстернализация была связана с издеательствами со стороны их ребенка; однако качество дружбы смягчало эту связь, так что среди детей с экстернализацией качественная дружба значительно ослабляла издеательства. *Склонность к интернализации проблем и низкое качество дружбы* были в значительной степени предсказателями виктимизации; однако качество дружбы не смягчило связь между интернализацией проблем и виктимизацией.

Статья Э. Ходжеса и Д. Перри (Hodges, Perry, 1999) имела целью определение того, являются ли внутриличностные и межличностные трудности, характерные для пострадавших детей, предшественниками виктимизации, последствиями виктимизации или и тем, и другим. Мальчики и девочки с 3-го по 7-й классы (N = 173, средний возраст = 11,3 года) оценивались по виктимизации, личным переменным (интернализация или экстернализация проблемы и физическая сила) и межличностным переменным (количество друзей и отказ от сверстников). Через год дети

снова оценивались по указанным переменным. *Интернализация проблем, физическая слабость и отказ от сверстников* за прошедший год внесли решающий вклад в произошедшую виктимизацию. При этом *первоначальная виктимизация* предсказывала увеличение впоследствии интернализационных симптомов и отказ от сверстников. Эти взаимные влияния указывают на существование порочного круга, который поддерживает значительную устойчивость виктимизации во времени.

Голландско-американское исследование (Reijntjes et al., 2010) проведено для изучения того, являются ли интернализационные проблемы предшественниками виктимизации, последствиями виктимизации или и тем, и другим одновременно. Авторами представлен метаанализ 18 длительных исследований, изучающих предполагаемые связи между попытками виктимизации и интернализацией (N = 13 978). Были рассмотрены две гипотезы: 1) степень виктимизации на исходном уровне предсказывает изменения в интернализационных проблемах; 2) исходная степень интернализации предсказывает виктимизации. Результаты выявили значительные связи между виктимизацией и последующими изменениями в интернализационных проблемах, а также значительными связями между интернализационными проблемами и последующими изменениями в виктимизации. Таким образом, *интернализация проблем является и предшественником, и следствием виктимизации сверстников*. Эти взаимные влияния создают еще один порочный круг, который способствует высокой устойчивости виктимизации сверстников.

Хотя в нескольких лонгитюдных исследованиях указывалось, что интернализация проблемы в виде тревожности и депрессии может предшествовать виктимизации, было мало попыток экспериментально изучить влияние этого поведения. В экспериментальном исследовании С. Лучетти и Р.М. Рапи (Luchetti, Rapee, 2014) 168 школьников 12-14 лет читают описания гипотетических сверстников, отображающие поведение,

указывающее на их тревогу, депрессию и просоциальные характеристики. Для всех таких описаний каждый участник указал свою степень симпатии к предполагаемому сверстнику, а также степень, в которой они полагали, что сверстник будет жертвой других и лично его самого. По сравнению с гипотетическими просоциальными детьми, сверстники, проявляющие тревожное или подавленное поведение, были менее любимы и воспринимались как более вероятные жертвы, как для других, так и для самих участников эксперимента. Результаты указывают на уязвимость, склонность к виктимизации, вызванную имеющимися *тревожностью и депрессией*.

Целью исследования К. Куэваса с соавторами (Cuevas et al., 2010) явилось изучение роли психологического дискомфорта в прогнозировании повторной виктимизации детей в различных ее формах, включая обычную преступность, насилие над сверстниками (включая сексуальное насилие), жестокое обращение. Данные лонгитюдных обследований, в ходе которых были опрошены дети в возрасте от 2 до 17 лет, образовали выборку из 1025 детей, которые испытали, по крайней мере, одну форму виктимизации на первом этапе сбора данных. Результаты показали, что «возникший в результате первичной виктимизации психологический дискомфорт (определяемый как суммарный балл шкал депрессии, гнева и тревоги) явился уникальным значительным предиктором последующей общей виктимизации, а также виктимизаций по различным ее видам (обычное преступление, жестокое обращение, виктимизация в результате издевательств со стороны сверстников, сексуальная виктимизация и косвенная виктимизация свидетелей насилия)» (Cuevas et al., 2010, с. 235). Эти результаты свидетельствуют о том, что *психологические последствия виктимизации могут служить решающим фактором для повторной виктимизации*. Помощь пострадавшим детям со стороны психологических служб должна не только фокусироваться на смягчении психологического

дискомфорта, но и на роли, которую он может играть в повышении риска повторной виктимизации.

Ряд публикаций представляет результаты изучения вопроса, может ли быть причиной виктимизации подростков негативное восприятие и самооценка ими собственного лишнего веса, ожирения. (Общепринятой мерой для отнесения индивида к той или иной весовой категории служит ИМТ – индекс массы тела = вес тела в кг., деленный на квадрат роста, выраженный в метрах). Влияние на виктимизацию в подростковом возрасте и посредническая роль в этом депрессивных симптомов и самооценки рассмотрены в статье М. Жилетта с соавторами (Giletta et al., 2010). Авторами проанализирована выборка 2051 подростков (M = 13,8 лет, S.D. = 0,7; 51% мальчиков) из семи средних школ в Нидерландах. Установлено, что более высокий ИМТ ассоциировался жертвами издевательств с собственной «виной», а испытываемые чувства, депрессивные симптомы опосредуют эти связи. Полученные данные свидетельствуют о том, что связь между ИМТ и виктимизацией может быть объяснена исключительно *негативным самовосприятием подростками собственного лишнего веса*.

В работе Л. Гриффитса с соавторами (Griffiths et al., 2018) изучено, является ли та или иная весовая категория (недостаточный, нормальный, избыточный вес и ожирение) в возрасте 7,5 лет предсказателем издевательств через год, в возрасте в 8,5 лет. Исследование проводилось на юго-западе Англии (N = 8210). Рост и вес измеряли у детей в возрасте 7,5 лет и по формуле «Индекс массы тела» определяли весовую категорию каждого ребенка. Наличие открытых издевательств (N = 7083) и косвенных издевательств (N = 6932) оценили у детей в возрасте 8,5 лет. После корректировки на социальное положение родителей авторы установили, что по сравнению с мальчиками среднего веса, мальчики с ожирением в 1,66 раз (от 1.04 до 2.66) более вероятно были откровенными хулиганами, и в 1,54 (1,12-2,13) раза чаще становились жертвами. Девочки с ожирением в 1,53

(1,09-2,15) раза чаще становились жертвами по сравнению с девочками среднего веса. То есть ожирение является предвестником причастности к издевательствам, как для мальчиков, так и для девочек. Мальчики и девочки, страдающие ожирением, чаще становятся жертвами издевательств, потому что они отклоняются от идеалов внешнего вида. Часть мальчиков с ожирением имеют возможность издеваться над другими по причине их превосходства в силе над своими сверстниками. Таким образом, ожирение мальчиков и девочек имеет в числе последствий для них и сходство, и различие.

М. Гершковис с соавторами (Hershcovis et al., 2007) установили, что такие эмоциональные состояния, как гнев и отрицательная аффективность являются не только следствием виктимизации, но и ее предсказателем. В статье указанных авторов представлен аналитический обзор 57 эмпирических исследований (включающих 59 выборок), касающихся *агрессии на рабочем месте*. Найдены относительные вклады отдельных факторов (*гнев, отрицательная аффективность*) в объяснение межличностной и организационной агрессии. Результаты показывают, что указанные личностные факторы предсказывают агрессию и что характер данных предикторов является целевым.

В исследовании В. Пелучетте с соавторами (Peluchette et al., 2015) рассмотрено влияние рискованных практик в социальных сетях (SNS) и индивидуальных различий в самораскрытии личности на вероятность виктимизации среди молодых пользователей Facebook. Результаты 572 респондентов из трех университетов (два в США и один в Австралии) показали, что *публикация респондентом нескромного или негативного контента*, наличие у него друзей в Facebook, которые публикуют такой контент, и *количество его друзей в Facebook* являются достоверными предсказателями киберзапугивающей виктимизации. Кроме того, большинство рассмотренных авторами личностных переменных

(добросовестность, экстраверсия, уживчивость, эмоциональная стабильность, самораскрытие) были значимыми предикторами, по крайней мере, некоторых из рискованных практик SNS. Однако только *экстраверсия и открытость* были наиболее достоверными предсказателями виктимизации молодых пользователей Facebook.

В заключение приведем одно интересное исследование, посвященное сбору экспериментального материала для изучения виктимизации.

Оценку участия в издевательствах исследователи обычно производят либо с помощью сведений, получаемых от сверстников, либо через самоотчеты участников издевательства. Т. Боуман с соавторами (Booman et al., 2012) рассмотрели достоинства каждого из этих методов для определения характеристик подростка, связанных с виктимизацией вследствие издевательства. Они изучили различия между этими двумя методами в отношении их взаимосвязи с социальным приспособлением (воспринимаемой популярностью, симпатией и самоощущаемым социальным признанием) и интернализируемыми проблемами (тревожностью, депрессией и низкой самооценкой) у 1192 голландских школьников в возрасте от 9 до 12 лет. Воспринимаемая популярность и симпатия лучше просматривались в отчетах сверстников, чем в самоотчетах, как для виктимизации жертв, так и для издевательства над другими. Самопринятое социальное признание коррелировало в равной степени с отчетами сверстников и самоотчетами о виктимизации. Сообщения сверстников об издевательствах также коррелировало с самопринятым социальным признанием, тогда как самоотчеты об издевательствах – не коррелированы. Все *интернализированные проблемы показали более сильные связи с самоотчетами*, чем отчеты сверстников; практическое значение имеет только связь между самоотчетной виктимизацией и интернализуемыми проблемами. Эти результаты указывают на то, что использование только одного типа отчетов может быть достаточно

эффективным для изучения взаимосвязи между издевательствами и отдельными характеристиками ребенка, однако оба типа отчетов в совокупности способствуют лучшему пониманию личного и социального благополучия вовлеченных в издевательства детей.

Приведенные результаты исследований позволяют сделать следующие выводы:

1. Необходимость изучения виктимизации мотивируется ее большой распространенностью в современном обществе и многочисленными отрицательными последствиями для ее жертв.

2. Предиктором виктимизации взрослых является их виктимизация в детском и подростковом возрасте, поэтому необходимо изучать и предикторы детской виктимизации.

3. Индивидуальные характеристики являются лучшими предсказателями возникновения личностной виктимизации.

4. Индивиды с низким уровнем интеллекта чаще становятся жертвами издевательств.

5. Риск виктимизации выше для тех, кто считает, что невозможно уйти от борьбы или конфронтации.

6. Психологические последствия виктимизации могут служить решающим фактором для повторной виктимизации.

7. Виктимизацию уверенно предсказывают низкий уровень удовлетворенности жизнью, низкая самооценка.

8. Виктимизация учащихся обоего пола наиболее сильно связана с депрессивными симптомами и тревожностью. При этом самообвинение опосредует связь между депрессивными симптомами и виктимизацией.

9. Отрицательная аффективность, низкий уровень добросовестности, высокий уровень нейротизма и недостаточность социальной поддержки predisполагают детей к виктимизации вследствие издевательств.

10. Низкий уровень самоуважения и самоконтроля, низкий социометрический статус подростка, ощущение им одиночества и слабые социальные связи с семьей и школой существенно увеличивают риск его виктимизации.

11. Интернализация проблем, физическая слабость, отказ от сверстников и низкое качество дружбы вносят решающий вклад в виктимизацию.

12. Негативная оценка подростками обоего пола собственного лишнего веса и навязчивые мысли о том, как другие воспринимают его внешний вид, способствует его отторжению от сверстников, что приводит к последующей виктимизации.

13. Наиболее последовательным предсказателем насильственной виктимизации является собственный девиантный образ жизни несовершеннолетнего.

В заключение необходимо отметить, что представленный выше обзор посвящен преимущественно виктимизации детей и подростков по нескольким причинам. Во-первых, потому, что, как показали исследования, издевательства в школе являются предсказателем последующих виктимизаций на рабочих местах. Во-вторых, потому, что издевательства особенно опасны для этого возраста, поскольку наносят тяжелый удар по неокрепшей детской психике. В-третьих, потому, что этому возрасту посвящена подавляющая часть работ по виктимизации.

Последнему обстоятельству способствует тот факт, что за рубежом имеется не менее пяти методик исследования виктимизации детей и подростков (Шейнов, 2018б). В то же время эмпирические исследования виктимизации взрослых сдерживаются отсутствием (у нас и за рубежом) соответствующей методики для этой категории испытуемых.

Автором разработана надежная и валидная тестовая «Методика оценки степени виктимизации взрослого индивида» (Шейнов, 2018-б); показано, что:

1. Семь шкал (субтестов) теста диагностирует семь типов виктимизации взрослых: незащищенность от манипуляций, общую и реализованную виктимизацию, склонности к агрессивному, саморазрушающему, зависимому и некритичному типу виктимизации.

2. Разработанный тест удовлетворяет стандартным критериям надежности: внутренняя согласованность, надежность частей теста, ретестовая надежность.

3. Тест валиден, удовлетворяя всем критериям валидности: 1) валидизации в процессе конструирования теста; 2) валидности содержательной; 3) «очевидной»; 4) текущей (диагностической); 5) консенсусной; 6) конструктивной; 7) конвергентной; 8) контрастной; 9) гендерной.

4. Тест стандартизован: приведены нормы для мужчин и женщин, представленные в средних величинах и показателях стандартного отклонения.

5. Виктимизация взрослых, диагностированная этим тестом, положительно связана со склонностью к рисковому поведению, с тревожностью, депрессией, с низким самоуважением и отрицательно – с ассертивностью (Шейнов, 2018-б).

Более подробные сведения об этой методике представлены в предыдущих статьях автора (Шейнов, 2018-а, 2019).

К настоящему времени с помощью предлагаемой «Методики» установлены (кроме результатов, приведенных выше) взаимосвязи между виктимизацией, макиавеллизмом личности и стратегиями поведения в конфликте мужчин, женщин, юношей и девушек (Шейнов, 2018-в).

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневецкий К.В.* Виктимизация: факторы, условия, уровни // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 226-227.
- Постылякова Ю.В.* Экологический и ресурсный подходы в изучении сетевой агрессии среди молодежи // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 4. С. 193-211.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Чикер В.А., Почебут Л.Г.* Теоретические и методологические основы изучения моббинг-процессов в организациях // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 139-161.
- Шейнов В.П.* Детерминанты виктимизации профессионала на рабочем месте // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018(а). Т. 3. № 4. С. 168-192.
- Шейнов В.П.* Виктимизация жертв издевательств как источник их отрицательных эмоциональных состояний // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1.
- Шейнов В.П. (Sheinov V.P.)* Developing the Technique for Assessing the Degree of Victimization in Adults // Российский психологический журнал. 2018 (б). Т. 15. № 2/1. С. 69-85. doi:10.21702/rpj.2018.2.1.5
- Шейнов В.П.* Взаимосвязи виктимизации, макиавеллизма и поведения в конфликте // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018 (в). Т. 15. № 4. С. 431-445.

- Beaver K.M., Nedelec J.L., Barnes J.C., Boutwel B.B., Boccio C.* The association between intelligence and personal victimization in adolescence and adulthood // *Personality and Individual Differences*. 2016. V. 98. P. 355-360.
- Bollmer J.M., Harris M.J., Milich R.* Reactions to bullying and peer victimization: Narratives, physiological arousal, and personality // *Journal of Research in Personality*. 2006. V. 40 (5). P. 803-828.
- Bouman T., Meulen M., Goossens F. A., Olthof T., Vermande M. M., Aleva E. A.* Peer and self-reports of victimization and bullying: Their differential association with internalizing problems and social adjustment // *Journal of School Psychology*. 2012. V. 50 (6). P. 759-774.
- Boutwell B.B., Franklin C.A., Barnes J.C., Tamplin A.K., Beaver K.M., Petkovsek M.* Unraveling the covariation of low self-control and victimization: A behavior genetic approach // *Journal of Adolescence*. 2013. V. 36 (4). P. 657-666.
- Boutwell B.B., J.Connolly E., Barbaro N., Shackelford T.K., Petkovsek M., Beaver K.M.* On the genetic and environmental reasons why intelligence correlates with criminal victimization Intelligence // *Personality and Individual Differences*. 2017. V. 62. P. 155-166.
- Cava M.J., Musitu G., Murgu S.* Individual and social risk factors related to overt victimization in a sample of Spanish adolescents // *Psychological Reports*. 2007. V. 101 (1). P. 275-290.
- Cava M.J., Musitu G., Buelga S., Murgui S.* The relationships of family and classroom environments with peer relational victimization: An analysis of their gender differences // *The Spanish Journal of Psychology*. 2010. V. 13 (1). P. 156-165.
- Chen X.* The linkage between deviant lifestyles and victimization. An examination from a life course perspective // *Journal of Interpersonal Violence*. 2009. V. 24 (7). P. 1083-1110.
- Cuevas C.A., Finkelhor D., Clifford C., Ormrod R.K., Turner H.A.* Psychological distress as a risk factor for re-victimization in children // *Child Abuse & Neglect*. 2010. V. 34 (4). P. 235-243.

- Fitzpatrick K.M.* Violent victimization among America's school children // *Journal of Interpersonal Violence*. 1999. V. 14 (10). P. 1055-1069.
- Gaspar T., Gaspar de Matos M., Ribeiro J.P., Leal I., Albergaria F.* Psychosocial factors related to bullying and victimization in children and adolescents // *Health Behavior and Policy Review*. 2014. V. 1 (6). P. 452-459(8). doi:<https://doi.org/10.14485/HBPR.1.6.3>
- Gilletta M., Scholte R.H.J., Engels C.M.E., Larsen J.K.* Body mass index and victimization during adolescence: The mediation role of depressive symptoms and self-esteem // *Journal of Psychosomatic Research*. 2010. V. 69 (6). P. 541-547.
- Gini G., Espelage D.L.* Peer victimization, cyberbullying, and suicide risk in children and adolescents // *JAMA*. 2014. V. 312 (5). P. 545-546.
- Griffiths L.J., Wolke D.A.S., Page A.S., Horwood J.P.* Obesity and bullying: different effects for boys and girls // *Archives of Disease in Childhood*. 2018. V. 103 (9).
- Guhn M., Schonert-Reichl K.A., Gadermann A.M., Hymel Sh., Hertzman C.* A Population study of victimization, relationships, and well-being in middle childhood // *Journal of Happiness Studies*. 2013. V. 14 (5). P. 1529–1541.
- Hansen T.B., Steenberg L.M., Palic S., Elklit A.* A review of psychological factors related to bullying victimization in schools // *Aggression and Violent Behavior*. 2012. V. 17 (4). P. 383-387.
- Hershcovis M.S., Turner N., Barling J.A., Kara A., Dupré K.E., Inness M., LeBlanc M.M., Sivanathan N.* Predicting workplace aggression: A meta-analysis // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92 (1). P. 228-238.
- Hodges E.V.E., Perry D.G.* Personal and interpersonal antecedents and consequences of victimization by peers // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 76 (4). P. 677-685.
- Howard D.E., Feigelman S., Li X., Cross S., Rachuba L.* The relationship among violence victimization, witnessing violence, and youth distress // *Journal of Adolescent Health*. 2002. V. 31 (6). P. 455-462.

- Luchetti S., Rapee R.M.* Liking and perceived probability of victimization of peers displaying behaviors characteristic of anxiety and depression // *Journal of Experimental Psychopathology*. 2014. V. 5 (2). P. 212-223.
- Lunde C., Frisé A., Hwang C.P.* Is peer victimization related to body esteem in 10-year-old girls and boys? // *Body Image*. 2006. V. 3 (1). P. 25-33.
- Matsui T., Tsuzuki Y., Kakuyama T.* Long-term outcomes of early victimization by peers among Japanese male university students: Model of a vicious cycle // *Psychological Reports*. 1996. V. 79 (3). P. 711-720.
- Nofziger S.* Deviant lifestyles and violent victimization at school // *Journal of Interpersonal Violence*. 2009. V. 24 (9). P. 1494-1517.
- Peluchette J.V., Karlb K., Wood Ch., Williams J.* Cyberbullying victimization: Do victims' personality and risky social network behaviors contribute to the problem? // *Computers in Human Behavior*. November 2015. V. 52. P. 424-435.
- Reijntjes A., Kamphuis H., Prinzie P., Telch M.J.* Peer victimization and internalizing problems in children: A meta-analysis of longitudinal studies // *Child Abuse & Neglect*. 2010. V. 34 (4). P. 244-252.
- Saarento S., Kärnä A., Hodges E.V.E., Salmivalli C.* Student-, classroom-, and school-level risk factors for victimization // *Journal of School Psychology*. 2013. V. 51 (3). P. 421-434.
- Schacter H.L., Juvonen J.* Depressive symptoms, friend distress, and self-blame: Risk factors for adolescent peer victimization // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2017. V. 51. P. 35-43.
- Schreck C.J., Wright R.A., Miller J.M.* A study of individual and situational antecedents of violent victimization // *Journal Justice Quarterly*. 2002. V. 19 (1). P. 159-180.
- Schreck C.J., Stewart E.A., Fisher B.S.* Self-control, Victimization, and their Influence on risky lifestyles: A longitudinal analysis using panel data // *Journal of Quantitative Criminology*. 2006. V. 22 (4). P. 319-340.

Uludag S., Colvin M., Hussey D., Eng A.L. Democracy, inequality, modernization, routine activities, and international variations in personal crime victimization // *International Criminal Justice Review*. 2009. V. 19 (3), P. 265-286.

Статья поступила в редакцию: 01.02.2019. Статья опубликована: 30.03.2019.

INTRAPERSONAL PREDICTORS OF VICTIMIZATION

© 2019 Victor P. Sheinov

Doctor of Sociology, Professor, Department of Psychology, Republican Institute of Higher Education, Belarus State University; Minsk, Belarus
E-mail: sheinov1@mail.ru

The relevance of studying victimization is motivated by its high prevalence in modern society and its many negative consequences for its victims. In this analytical review of foreign studies on the intrapersonal prerequisites of victimization, it is shown: the best predictors of the emergence of the individual victimization of an individual are his individual characteristics; individuals with low levels of intelligence are more likely to be victims of bullying; the risk of victimization is higher for those who believe that it is impossible to escape from the struggle or confrontation; the psychological consequences of victimization can be a decisive factor for re-victimization; victimization is likely to predict a low level of life satisfaction and low self-esteem; victimization is most strongly associated with depressive symptoms and anxiety, self-blame mediates the connection between depressive symptoms and victimization; negative affectivity, low level of integrity, high level of neuroticism and lack of social support predispose children to victimization; low level of self-esteem and self-control, low sociometric status of a teenager, his feeling of loneliness and weak social ties with his family and school significantly increase the risk of his victimization; the internalization of problems, physical weakness, rejection of peers and the poor quality of friendship make a decisive contribution to victimization; negative assessment by adolescents of their own excess weight and obsessive thoughts about how others perceive its appearance, contributes to its rejection from peers and to victimization; The predictor of forced victimization is the minor's own deviant lifestyle. The author proposed a reliable and valid "Method of assessing the degree of victimization of an adult individual." With its help, the relationships between victimization, Machiavellianism and strategies of behavior in conflict are established.

Keywords: victimization, intrapersonal predictors, bullying, aggression, Machiavellianism, behavior in conflict, children, adolescents, adults, school, workplace, test method.

REFERENCES

- Vishnevetsky, K.V. (2014). Viktimizatsiya: faktory, usloviya, urovni [Victimization: factors, conditions, levels]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 4, 226-227.
- Postylyakova, Yu.V. (2018). Ekologicheskii i resursnyy podkhody v izuchenii setevoy agressii sredi molodezhi [Ecological and resource approaches in the study of network aggression among young people]. *Institut Psihologii Rossijskoj Akademii Nauk. Organizacionnaya Psihologiya i Psihologiya Truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor], 3 (4), 193-211.
- Psikhologicheskoye zdorov'ye lichnosti i dukhovno-nravstvennyye problemy sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Psychological Health of the Individual and the Spiritual and Moral Problems of Modern Russian Society] (2014). In: A.L. Zhuravlev, M.I. Volovikova, T.V. Galkina (Eds.). Moscow: Institute of Psychology RAS Publishing House,
- Chiker, V.A., Pochebut, L.G. (2016). Teoreticheskiye i metodologicheskiye osnovy izucheniya mobbing-protssessov v organizatsiyakh [Theoretical and methodological foundations of the study of mobbing processes in organizations]. *Institut Psihologii Rossijskoj Akademii Nauk. Organizacionnaya Psihologiya i Psihologiya Truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor], 1 (2), 139-161.
- Sheinov, V.P. (2018). Determinanty viktimizatsii professionala na rabochem meste [The determinants of victimization of a professional in the workplace]. *Institut Psihologii Rossijskoj Akademii Nauk. Organizacionnaya Psihologiya i*

Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor], 3 (4), 168-192. (a)

Sheinov, V.P. (2019). Victimization of victims of bullying as a source of their negative emotional states [Viktimizatsiya zhertv izdevatel'stv kak istochnik ikh otritsatel'nykh emotsional'nykh sostoyaniy]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Sotsialnaya i Ekonomicheskaya Psikhologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]*, 4 (1).

Sheinov, V.P. (2018). Developing the Technique for Assessing the Degree of Victimization in Adults // *Russian Psychological Journal*, 15 (2/1), 69-85. doi: 10.21702 / rpj.2018.2.1.5 (b)

Sheinov, V.P. (2018). Vzaimosvyazi viktimizatsii, makiavellizma i povedeniya v konflikte [The relationship of victimization, Machiavellianism and behavior in the conflict]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika [RUDN Bulletin. Series: Psychology and Pedagogy]*, 15 (4), 431-445. (c)

Beaver, K.M., Nedelec, J.L., Barnes, J.C., Boutwel, B.B., Boccio, C. (2016). The association between individualism and individuality and adolescence and adulthood. *Personality and Individual Differences*, 98, 355-360.

Bollmer, J.M., Harris, M.J., Milich, R. (2006). Reactions to bullying and peer victimization: Narratives, physiological arousal, and personality. *Journal of Research in Personality*, 40 (5), 803-828.

Bouman, T., Meulen, M., Goossens, F.A., Olthof, T., Vermande, M.M., Aleva, E. A. (2012). Peer and self-reports of victimization and bullying. *Journal of School Psychology*, 50 (6), 759-774.

Boutwell, B.B., Franklin, C.A., Barnes, J.C., Tamplin, A.K., Beaver, K.M., Petkovsek, M. (2013). Unraveling the covariation of self-control and victimization: A behavior genetic approach. *Journal of Adolescence*, 36 (4), 657-666.

- Boutwell, B.B., Connolly, E., Barbaro, N., Shackelford, T.K., Petkovsek, M., Beaver, K.M. (2017). Why the victim of crime? *Personality and Individual Differences*, 62, 155-166.
- Cava, M.J., Musitu, G., Murgu, S. (2007). Individual and social risk factors related to overt victimization in a sample of Spanish adolescents. *Psychological Reports*, 101 (1), 275-290.
- Cava, M.J., Musitu, G., Buelga, S., Murgui, S. (2010). Analysis of their gender differences. *The Spanish Journal of Psychology*, 13 (1), 156-165.
- Chen, X. (2009). The linkage between deviant lifestyles and victimization. An examination from a life course perspective. *Journal of Interpersonal Violence*, 24 (7), 1083-1110.
- Cuevas, C.A., Finkelhor, D., Clifford, C., Ormrod, R.K., Turner, H.A. (2010). Psychological distress as a risk factor for re-victimization in children. *Child Abuse & Neglect*, 34 (4), 235-243.
- Fitzpatrick, K.M. (1999). Violent victimization among America's school children. *Journal of Interpersonal Violence*, 14 (10), 1055-1069.
- Gaspar, T., Gaspar de Matos, M., Ribeiro, J.P., Leal, I., Albergaria, F. (2014). Psychosocial Factors and Factors. *Health Behavior and Policy Review*, 1 (6), 452-459. doi: <https://doi.org/10.14485/HBPR.1.6.3>
- Giletta, M., Scholte, R.H.J., Engels, C.M.E., Larsen, J.K. (2010). Body mass index and victimization during adolescence: The mediation role of depressive symptoms and self-esteem. *Journal of Psychosomatic Research*, 69 (6), 541-547.
- Gini, G., Espelage, D.L. (2014). Peer victimization, cyberbullying, and suicide risk. *JAMA*, 312 (5), 545-546.
- Griffiths, L.J., Wolke, D.A.S. Page, A.S, Horwood, J.P. (2018). Obesity and bullying. *Archives of Disease in Childhood*, 103 (9).
- Guhn, M., Schonert-Reichl, K.A., Gadermann, A.M., Hymel, Sh., Hertzman. C. (2013). A population study of victimization, relationships and relationships in the middle of childhood. *Journal of Happiness Studies*, 14 (5), 1529-1541.

- Hansen, T.B., Steenberg, L.M., Palic, S., Elklit, A. (2012). A review of psychological factors related to bullying victimization in schools. *Aggression and Violent Behavior*, 17 (4), 383-387.
- Hershcovis, M.S., Turner, N., Barling, J.A., Kara, A., Dupré, K.E., Inness, M., LeBlanc, M.M., Sivanathan, N. (2007). Predicting workplace aggression: A meta-analysis. *Journal of Applied Psychology*, 92 (1), 228-238.
- Hodges, E.V.E., Perry, D.G. (1999). Personal and interpersonal antecedents and consequences of victimization by peers. *Journal of Personality and Social Psychology*, 76 (4), 677-685.
- Howard, D.E., Feigelman, S., Li, X., Cross, S., Rachuba, L. (2002). The relationship among violence victimization, witnessing violence, and youth distress. *Journal of Adolescent Health*, 31 (6), 455-462.
- Luchetti, S., Rapee, R.M. (2014). Liking and perceived probability of victimization of peers displaying behaviors characteristic of anxiety and depression. *Journal of Experimental Psychopathology*, 5 (2), 212-223.
- Lunde, C., Frisé, A., Hwang, C.P. (2006). Is peer victimization related to body esteem in 10-year-old girls and boys? *Body Image*, 3 (1), 25-33.
- Matsui, T., Tsuzuki, Y., Kakuyama, T. (1996). Long-term outcomes of early victimization by peers among Japanese male university students: Model of a vicious cycle. *Psychological Reports*, 79 (3), 711-720.
- Nofziger, S. (2009). Deviant lifestyles and violent victimization at school. *Journal of Interpersonal Violence*, 24 (9), 1494-1517.
- Peluchette, J.V., Karlb, K., Wood, Ch., Williams, J. (2015). Cyberbullying victimization: Do victims' personality and risky social network behaviors contribute to the problem? *Computers in Human Behavior*, 52, 424-435.
- Reijntjes, A., Kamphuis, H., Prinzie, P., Telch, M.J. (2010). Peer victimization and internalizing problems in children: A meta-analysis of longitudinal studies. *Child Abuse & Neglect*, 34 (4), 244-252.

- Saarento, S., Kärnä, A., Hodges, E.V.E., Salmivalli, C. (2013). Student-, classroom-, and school-level risk factors for victimization. *Journal of School Psychology*, 51 (3), 421-434.
- Schacter, H.L., Juvonen, J. (2017). Depressive symptoms, friend distress, and self-blame: Risk factors for adolescent peer victimization. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 51, 35-43.
- Schreck, C.J., Wright, R.A., Miller, J.M. (2002). A study of individual and situational antecedents of violent victimization. *Journal Justice Quarterly*, 19 (1), 159-180.
- Schreck, C.J., Stewart, E.A., Fisher, B.S. (2006). Self-control, Victimization, and their Influence on risky lifestyles: A longitudinal analysis using panel data. *Journal of Quantitative Criminology*, 22 (4), 319–340.
- Uludag, S., Colvin, M., Hussey, D., Eng, A.L. (2009). Democracy, inequality, modernization, routine activities, and international variations in personal crime victimization. *International Criminal Justice Review*, 19 (3), 265-286.

The article was received: 01.02.2019. Published online: 03.30.2019

Библиографическая ссылка на статью:

Шейнов В.П. Внутриличные предикторы виктимизации // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 1. С. 154-182.

Sheinov V.P. (2019). Vnutrilichnostnyye prediktory viktimizatsii [Intrapersonal predictors of victimization]. Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor], 4 (1), 154-182.

Адрес статьи:

<http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document441.pdf>